

ДЕН ИСТЕН

ДЕН ИСТЕН

Кирсанова-2

Внимание! Розыск!

Ден Истен Кирсанова-2: Внимание! Розыск!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69450961
SelfPub; 2023*

Аннотация

Из-под стражи сбегает опасный преступник, обвиняемый в тяжком преступлении. К поискам рецидивиста приступают сотрудники уголовного розыска, в числе которых и Кирсанова, которой так и не дали догулять заслуженный отпуск. Все персонажи, названия населенных пунктов вымышлены, все совпадения с реальными событиями и людьми случайны.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	10
Глава вторая	34
Глава третья	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ден Истен Кирсанова-2: Внимание! Розыск!

Пролог

Жора выплюнул обслюнявленную скрепку на подушку и зашелся в надсадном кашле. Стар он для этих цирковых номеров.

Отдышавшись, взял скрепку правой рукой, разогнул ее об стену и дотянулся до левой руки, прикованной наручниками к спинке кровати. Подцепил запорные пластины – браслет, тихо вжикнув, расстегнулся.

Жора потер освобожденное запястье и опустил босые ноги на пол. Прислушался: за тонкой дверью слышались женский смех и бравурный мужской голос.

Он встал и медленно провернул ручку пластикового окна. Высунулся и оценил расстояние до земли. О том, чтобы прыгать – и речи не могло быть: палата находилась на третьем этаже, вдобавок внизу поблескивал лужами асфальт, не гарантировавший мягкого и безопасного приземления. Жора высунулся еще дальше и внимательно осмотрел стену по бокам оконного проема: ни труб, ни выступов, ни зацепиться,

ни упереться. Придется уходить традиционно – через дверь.

Он, тихо ступая босыми ногами, приблизился к двери и прислушался.

– Ой, какая страшная у вас работа – зеков охранять, – сокрушенно сказал женский голос.

– Служба у нас такая – каждый день смотреть опасности в глаза! – самодовольно ответил мужской голос. – Но мы люди привыкшие, бесстрашные.

– Для него целую палату выделили! У нас больные по восемь человек лежат, а ему – ты только посмотри!

– Так он же особо опасный! Поэтому и палата отдельная, и охрана серьезная!

– Тем более! Таких надо в тюремной больнице содержать!

– Да куда он денется? Наручники, третий этаж и я – не, тут ему шансов никаких. А будет бузить – я успокоительное мигом пропишу. Да ну его! Давай лучше чайку попьем? Я за тортиком сгоняю.

– Какой еще тортик? Ночь.

– Так я в аптеку круглосуточную сгоняю!

– Фу! На что это ты намекаешь? И потом, тебе нельзя пост покидать.

– Сержант посидит. Он приказы старшего по званию должен выполнять. Да я на пять минут всего. Ты мне лучше скажи, где чаек пить будем?

Одно Жора понял точно – охранник сейчас один, без напарника. Надо действовать! Он порылся в прикроватной

тумбочке, но ничего кроме засохшей апельсиновой корки не нашел. Тогда он взял стакан и слегка ударил им по чугунной батарее. Стакан не разбился. Тогда Жора ударил сильнее, но граненые бока были несокрушимы.

Он глянул на доньшко и одобрительно хмыкнул:

– 14 копеек. Умели же делать в то время.

И с размаху шарахнул стаканом об батарею. Быстро подхватил осколок покрупнее и отпрыгнул к двери. В палату вбежали молоденькая медсестра в розовой униформе и охранник в пятнистой форме, со старшинскими лычками на погонах.

Жора скользнул ему за спину, схватил за подбородок и приставил осколок к прыгающему в испуганном спазме кadyку. Медсестра вскрикнула и попятилась.

– На пол, сестра, на пол. И пасть захлопнула, – ласковым тоном священника молвил Жора и ударом ноги закрыл дверь.

Медсестра послушно легла и накрыла голову руками. А вот с охранником Жора не любезничал: прижал осколок сильнее, отчего на шее выступила алая капелька крови.

– Второй где?!

– Ужинать пошел.

– Это правильно! – одобрительно сказал Жора. – Кишку набить во время дежурства – в этом вся ваша сущность. Во-лына есть?

– Нет у меня пистолета, – прохрипел тот. – Дубинка толь-

ко.

– Давай дубинку, – Жора вытянул руку и угрожающе предупредил. – Только без резких движений. Аккуратненько отдал мне.

Охранник снял с ремня резиновую дубинку и вложил ему в ладонь. Удар в коленный сгиб отправил его на пол, к медсестре, уже терявшую сознание от страха.

– Раздевайся! – Жора огрел старшину дубинкой по спине.

Охранник принялся стаскивать форму. Через минуту, сложив ее пятнистой кучей к ногам арестанта, злобно прошипел:

– Далеко не уйдешь!

Жора замахнулся.

– Это мы еще посмотрим! Хватай баранки и пристегивай себя и биксу к шконке! Живо!

– Ключ в кармане.

– Бери, – Жора ногой пододвинул ему штаны.

Старшина вытащил из кармана ключ, затем подхватил декушку и положил на койку. Отцепил болтающиеся на дужке наручники и приковал себя за левую руку, а медсестру – за правую.

– Ключ обратно гони!

Поймав брошенный ключ, Жора улыбнулся.

– Тупой и исполнительный – это очень хорошо! – сказал он и, быстро скинув робу, принялся облачаться в форму.

Напялив кепку и зашнуровав ботинки, он повернулся к

зеркалу, висевшему у входа. Его худое лицо скривилось от отвращения. Поднял дубинку и, осторожно приоткрыв дверь, выглянул в пустынный больничный коридор.

– Ладно, пойду я. А вы тут не скучайте. Кроватка есть, если что, – дружелюбно сказал он и выскользнул из палаты.

Быстрым шагом преодолел коридор и спустился на второй этаж. На ходу подмигнул вышедшей из ординаторской медсестре.

– А вы куда, товарищ полицейский?! Там инфекционное отделение!

Жора остановился и медленно развернулся.

– Я не полицейский. На улицу хочу выйти, сержантика моего встретить, а то что-то нет его долго.

– Так вам по другой лестнице, – медсестра махнула ручкой в противоположную сторону. – До конца и направо.

– Точно! – щелкнул пальцами Жора. – Не соображаю ничего, с утра на ногах! От души, красавица! Спасибо, в смысле!

Он спокойным шагом пошел по коридору. Дойдя до перил и увидев поднимающуюся по лестнице пятнистую кепку, Жора шмыгнул в закуток и прижался к распашным дверям больничного лифта. Сержант прошел мимо, ничего не замечая и что-то сосредоточенно дожевывая.

– Вот и ладненько! – удовлетворенно сказал Жора и неслышно сбежал по лестнице в просторный вестибюль. Помахав постовой медсестре, распахнул входную дверь.

В нос ударил запах свободы – мокрого асфальта и после-
грозового воздуха. Жора обошел машину скорой помощи и
почти бегом направился к высоким воротам, за которыми
проносились редкие ночные машины.

Глава первая

Ночь была тихой и звездной. Лена тряхнула свисающую ветку березы и зажмурилась от брызнувших дождевых капель, притаившихся в густой листве. Приложила телефон к другому уху и глянула на наручные часы: до конца дежурства оставалось почти 8 часов.

– Устала? – с сочувствием спросил Сергей.

– Немного. Только с поножовщины с летальным исходом вернулась: двое влюбленных женщину не поделили, так один другого ножом пырнул прямо за столом.

– Насмерть?

– Сразу на месте. Первого удара в шею оказалось достаточно.

– Первого?

– Двадцать восемь колото-резаных, Сергей. Он его всего истыкал. Женщина в ванной заперлась, полицию вызвала. Наряд приехал, дверь вынесли, а он за столом водку допивает, а труп рядом лежит.

Лена закрыла глаза, слушая шелест легкого ветерка.

– Так спокойно об этом говоришь, – заметил Сергей.

Она открыла глаза и невесело усмехнулась.

– Черствею, наверное. Привыкаю. Пропускать все это через себя – никаких нервов не хватит. Лучше сразу рапорт писать.

– Кстати, о рапорте. Могу похлопотать о твоём переводе
– у нас много оперов из угрозыска. Все ж спокойнее...

– Не надо! – резко оборвала она.

– Ну, не надо – так не надо, – легко согласился он.

Лену кольнуло чувство вины: зря она так с ним. Сергей ей нравился. Спокойный, внимательный, с хорошим чувством юмора. И работают они в одной структуре, пусть и в разных подразделениях, что подразумевало полное взаимопонимание. Хотя, пока об этом говорить рано: всего неделя прошла с той встречи в ресторане «Вулкан».

– Не обижайся. Давай о веселом? – примирительно сказала она.

– Нисколько не обиделся. О веселом, говоришь? Хорошо. Значит, завтра ты уходишь в отпуск?

– Так точно, товарищ майор! Догуливать!

– Отлично! Приглашаю на первое свидание!

– Ой, это так романтично! – хихикнула Лена. – И куда ты меня поведешь?

– Для начала сходим в оперу.

Лена расхохоталась.

– Конечно, куда же еще сходить оперу, если не в оперу?!

– Я знал, что ты так отреагируешь! – поддержал ее смех Сергей. – Ладно, начнем с ресторана, а дальше – по ситуации.

– Так были же в ресторане.

– Ты серьезно? Одно дело – офицерские посиделки по поводу присвоения звания, другое – свидание. Выбирай ресто-

ран.

Лена с задумчивым видом снова дотянулась до березовой ветки и потрогала нежные листочки. Она, по ресторанам не ходок, честно попыталась вспомнить хоть одно приличное заведение.

– Ну, может, в «Вулкан»? Мне понравилось там, – неуверенно предложила она.

– Зачем повторяться? – удивился он. – Как насчет «Ла Монтанья»?

Ресторан итальянской кухни «Ла Монтанья» был одним из самых дорогих в городе. И очень пафосным. Лена там ни разу не была, но вполне могла представить обстановку: жаккардовые скатерти, задрапированные окна, сверкающий фарфор и меню с труднопроизносимыми названиями блюд. Вышколенный официант и вселенская тоска прилагаются.

А ей так хотелось простоты.

– Давай лучше в «Моцарт и Балаян»? – предложила она и, услышав его озадаченное сопение, спросила. – Не нравится австрийско-армянская кухня?

– Да как тебе сказать... – неуверенно ответил он. – Я даже не думал, что они совместимы.

– Ну хорошо! – легко согласилась она. – Тогда «Застенчивый землекоп»!

– Ты специально такие дурацкие названия выдумываешь?! – возмутился Сергей.

– Не выдумываю я! «Землекоп» – это экспериментальный

ресторан, с оригинальной концепцией. Там ложечки в виде лопат. Ну, такие, знаешь, миниатюрные лопаты. Лопатки.

– Саперные или снегоуборочные? А вилки у них в виде садовых вил? Слушай, не хочешь никуда ходить – так и скажи!

– Ты спросил – я предложила!

– И зачем я только спросил?! – обреченно провыл Сергей. – Ладно, пойдем есть с лопат! Кухня там хоть нормальная?

– Вот и узнаем!

За спиной, за дверями Управления, призывно рявкнул динамик громкой связи:

– Следственно-оперативная группа на выезд!

Лена моментально стала серьезной.

– Мне пора!

– Ты давай осторожнее там, – сказал Сергей. – И позвони мне.

– Договорились. Пока.

На ступенях появились две фигуры: полная и невысокая – следователя Риттер Светланы Робертовны и худая, немного сгорбленная, с чемоданчиком – криминалиста Славика Гущина.

– Лена, Лена! Поехали! – поторопила следователь и, сунув в рот два пальца, пронзительно свистнула. На темной парковке для спецтранспорта заурчал двигатель и загорелись фары дежурного УАЗа.

– Светлана Робертовна, что там?

– Подследственный сбежал из больницы, – ответила Риттер, открывая дверь подъехавшего «бобика».

– Из тюремной?

– Из обычной. Охрану связал и сбежал.

Следователь забралась на переднее сиденье. Славик и Лена уехали сзади. Машина, беззвучно мигая синими проблесковыми маяками, понеслась по ночной улице.

– А кто такой? – спросила Лена.

Следователь повернулась.

– Иванков.

– Жора Антресоль! – вспомнила Лена криминальную кликуху рецидивиста.

– Он самый, – подтвердила Риттер. – Известный персонаж. Он мне в свое время крови попил столько, что я его криминальную биографию наизусть выучила. Георгий Васильевич Иванков, 78-го года рождения. Первый срок получил по малолетству – в 92-ом, за ограбление мебельного магазина. Отсюда и кличка – Антресоль. Второй срок – в 99-ом за вооруженный налет на ломбард. Третий – в 2016 за вымогательство. С сентября 2021 года находился в розыске по обвинению в двойном убийстве. Задержан в январе 2022 года и до сегодняшнего дня находился в следственном изоляторе. В общем, занимательный кадр.

– Витя Рудин будет очень недоволен, – угрюмо сказала Лена.

– Он его брал? – догадалась Светлана Робертовна.

– Ну да, – вздохнула Лена и добавила с досадой. – А почему не в тюремной больнице?

– Бардак потому что! – философски ответила следователь. – Будем выяснять. Я это дело не веду, поэтому ничего сказать не могу.

Криминалист зевнул и потер красные глаза.

– Светлана Робертовна, а мне-то там что делать? Фигурант известен, трупов нет...

– Положено, Вячеслав! Посидишь на стульчике, ничего с тобой не случится! – строго ответила следователь.

– Вот так всегда! – пробормотал Славик.

– Ты что-то сказал? – зеленые глаза следователя, за стеклами очков казавшиеся огромными, недобро сверкнули.

– Я хотел сказать, что, возможно, был сговор с персоналом тюремной больницы, – поспешно ответил Славик. – Такого опасного преступника не могли поместить в обычное лечебное учреждение просто так. Если только не при смерти был, но раз сбежал – значит, вполне себе живой.

– Умный ты. Может, на следственную работу перейдешь? – усмехнулась Риттер. – Или на оперативную?

– Не-не-не! – в панике замахал руками Славик. – Я на это не учился!

– Переучим! – серьезно ответила она и подмигнула Лене.

– Я лучше на стульчике посижу, – буркнул криминалист и отвернулся к окну.

Лена и Светлана Робертовна засмеялись, глядя на сконфуженного Славика.

Машина свернула в проулок. Следователь вопросительно посмотрела на водителя, молодого сержанта.

– Мы так и не познакомились, сержант. Как зовут?

– Юрий, товарищ капитан юстиции, – ответил водитель.

– Можно просто по имени-отчеству. Первый раз в СОГе¹, Юрий? Раньше не видела тебя.

– Первый, Светлана Робертовна. Я после срочки в полицию решил пойти. Поработаю водилой, а там, может, рекомендации получу для поступления. Оперативником хочу стать.

– Ой, зря! Ой, зря, Юрик! – сокрушенно запричитал криминалист. – Опер – это ж ни минуты отдыха! Рабочий день ненормированный, жопа в мыле, спать нельзя. В засадах сутками сидишь, питаешься на ходу, за плохими дядями по крышам бегаешь. А плохие дяденьки не с пустыми руками: и подстрелить могут, и ножичек в бочок засунуть. Жена из дома выгонит, дети папу забудут. Ой, зря! Давай лучше к нам? Опись с места преступления составил, трупик сфотографировал, пальчики откатал и в лабораторию. А там – тишина и уют, а ты сидишь и чаек попиваешь. И домой вовремя, если не дежурство.

– Болтун ты, Славка! – с улыбкой покачала головой Лена. – Ты нам кадры не отваживай!

¹ СОГ – следственно-оперативная группа

– Я не отваживаю, а морально готовлю! – назидательно поднял палец Славик. – Чтобы потом не было мучительно больно за опрометчивый выбор! Ты вон добегалась: пульку словила, и мужик твой от тебя сбежал...

Славик осекся. Лена прекратила улыбаться, а Светлана Робертовна, строго глянув на криминалиста, бросила неодобрительно:

– Трепло!

Славик виновато вздохнул, весь как-то сжался и выдавил тихо:

– Лен, прости, пожалуйста. Не выспался я. Когда не высыпаясь, у меня язык автономно от мозга работает.

– А с чего ты взял, что причиной развода стала моя работа? – беззлобно спросила Лена.

– Ну, не знаю. Додумал.

Лена поймала в зеркале заднего вида сочувствующий взгляд сержанта и отвернулась. Она совсем не удивлялась тому, что ее развод стал достоянием общественности, хотя почти никому об этом не говорила и утешителей не искала. Просто в один прекрасный день пришла на работу без обручального кольца, а потом вдруг из Илларионовой превратилась обратно в Кирсанову, что, наверное, и стало поводом для пересудов – слишком много документов пришлось менять, в том числе и служебных.

Первыми о разводе узнали Сипягин, Рудин, Бочаров и Шиловский – ее товарищи по оружию, от которых не хоте-

лось ничего скрывать, да и не получилось бы. Услышав новость, Витя Рудин, сам разведенец, принес пять бутылок водки, поставил их на стол и сказал одно единственное слово: «Терапия!».

Строгий Сипягин по такому случаю не возражал и даже присоединился, несмотря на язву. Оперативники разлили водку по стаканам, с сочувствием посмотрели на сотрудницу и выпили залпом. Лена тоже выпила немного, а затем рассказала, что причиной развода стала работа. Тогда водка снова полилась по стаканам, опера снова посмотрели на Лену, теперь уже с пониманием, и дружно выпили.

Вот такая молчаливая была поддержка. И никто ни о чем не спрашивал, не лез в душу, не пытался вывести на открытый разговор – просто пили и молчали. Лена смотрела на этих хмурых мужчин и пыталась понять, что сейчас будет более уместным: напиться или поплакать.

Снова забулькала водка, снова сочувствующий взгляд в ее сторону, снова дружно опрокинутые стаканы. А потом Рудин запел:

*Мы с тобой за этот город отвечаем,
Отвечаем за спокойствие людей!
Пусть они всегда улыбкою встречают
И вечернюю зарю, и новый день!*

Опера подхватили припев, тихо постукивая кулаками по столу и прикрыв глаза:

Если нужно – значит нужно!

Пусть над головой летят года!

Наша служба будто сердце –

Отдыха не знает никогда!²

Лена, слушая грубоватое и душевное исполнение, решила, что, пожалуй, плакать не будет. Не комильфо это, не по-оперски. И напиваться тоже не будет – только хуже станет...

– Лена! Замечталась, что ли?! Приехали!

Лена, выйдя из задумчивости, посмотрела на машины скорой помощи и возвышающееся за ними здание областной больницы.

– Славик, ты в машине посиди! Лена, выходим! – скомандовала следователь и дернула дверную ручку.

Обе поднялись по ступеням главного входа. У двери стоял худой мужчина в голубой больничной шапочке. Увидев вышедших из полицейской машины гостей, он торопливо выкинул окурок и шагнул навстречу.

– Вы из полиции?

– Следователь Риттер, – ответила Светлана Робертовна и показала на Лену. – Старший лейтенант Кирсанова.

– Понятно. Я дежурный врач. Огнев моя фамилия. Давайте провожу?

Он раскрыл дверь и пропустил их в фойе.

– Вон туда, – палец врача показал на широкую лестницу. – На второй этаж, в ординаторскую.

² Фрагмент из песни «Мы с тобой за этот город отвечаем». Автор стихов Р.И. Рождественский

– Соберите весь персонал здесь – мне нужно будет задать несколько вопросов, – сказала Лена и добавила. – И вам тоже.

Врач кивнул.

В ординаторской на низеньком диванчике сидел человек, закутанный в одеяло. Вид у него был невеселым.

– Старшина Дурочкин, – хмуро ответил он на требование представиться.

– Рассказывай, старшина, как ты докатился до такой жизни, – Риттер присела на стул. Лена осталась стоять у двери.

Старшина отвернулся к стене и глухо пробурчал.

– А что рассказывать? Виноват.

– То, что ты виноват – это и ежу понятно! – строго сказала следователь. – Как все произошло?!

Дурочкин плотнее запахнулся в одеяло.

– Услышал шум в палате, зашел вместе с медсестрой, а он на меня прыгнул. Стекло к шее приставил. Потом заставил нас пристегнуться к кровати наручниками и сбежал в моей одежде. Сержант Бурочкин пришел и освободил.

– Дурочкин и Бурочкин, значит... И где сейчас этот сержант?

– В палате. С дежурным разговаривает. С майором Шурочкиным.

– Номер палаты?

– Двенадцать. На третьем этаже.

– А медсестра где?

– Ей плохо стало. Домой отпустили.

Следователь повернулась к Лене.

– Побеседуй с персоналом и с сержантом.

Лена кивнула и вышла из ординаторской. Уже поднимаясь на третий этаж, слышала крики:

– Да я вас, долбоящеров, уволю к чертям свинячьим с волчьим билетом! Кретины!

– Да я-то тут при чем, товарищ майор?!

– Молчать! С Дурочкиным сейчас менты разбираются! Наверняка уже приехали! Зачем надо было им звонить?! Зачем?! Мне надо было звонить! Мне! Может, и решили бы вопрос без лишнего шума!

– Так звонили вам! Вы не отвечали!

– Молчать! Покукарекай мне тут еще!

Лена открыла дверь.

– Разрешите?

Майор Шурочкин представлял собой настоящую глыбу: двухметровый, квадратный, с трещащим в литых плечах китем. Сержант в сравнении с ним, да и сам по себе, был маленьким и щуплым. Втянутая в плечи голова и целлофановый пакет с пирожками в левой руке делали его жалкий облик еще ничтожнее.

Лена показала удостоверение майору.

– Полиция. Я могу поговорить с вашим сотрудником?

– Уже не сотрудником! – зло отмахнулся майор.

– И тем не менее.

Собственно, она могла бы разрешения и не спрашивать – задавать вопросы, допрашивать и опрашивать ей позволял закон «Об оперативно-розыскной деятельности», и сотрудник ФСИН, майор Шурочкин, ей препятствовать не имел никакого права.

Он молча кивнул и направился к двери, но Лена остановила его вопросом:

– Товарищ майор, с каким диагнозом подследственный Иванков оказался здесь?

Майор набычился.

– Я обязан отвечать?

– Обязаны. Повторить вопрос?

– Не надо, расслышал с первого раза. Мотор у него прихватило: лежал в камере, весь такой бледный, за левую сторону груди держался. А в медблоке канализацию утром прорвало – все говном затопило. И куда его? Доктор ему таблетку дал и сказал в больницу на обследование везти. Ну мы и отвезли.

– Сами?

– А как еще? Скорая – это долго, мы его в служебную «буханку» запихнули и сюда. Я так и знал, что он «косит», просто перестраховался.

– «Косит»?

– Ну да! Здесь ему кардиограмму сняли – здоров моторчик! А наш доктор, видно, в медики из сантехников пришел – раз сразу определить не смог. Но не в том дело. Короче,

собрались мы его обратно в изолятор везти – так он со стола врача горсть скрепок взял и проглотил. Мы даже ничего сделать не успели. По башке ему дали – какую-то часть скрепок он выплюнул, но, видно, не все. Рентген надо делать, а врач только с утра работает. Короче, решили его тут оставить, чтоб два раза не возить – вдруг операция понадобится. А что я еще мог сделать?! А вдруг бы он у меня в камере крикнул?! В палату отдельную положили, наручниками к кровати пристегнули и додиков этих у двери поставили. А тут такая петрушка, мать ее!

– А посерьезнее охраны не нашлось? Все-таки Иванов – рецидивист.

Майор в раздражении сорвал фуражку и вытер рукавом лоб.

– Да кто знал?! Третий этаж, наручники, он сам стонет, за живот держится! Я на все ваши вопросы ответил?!

– Да, если нужно будет, мы с вами свяжемся.

Майор угрюмо кивнул и вышел за дверь.

Лена подошла к койке, внимательно осмотрела смятую простыню, содранную наручниками краску с дужки и сами наручники, лежащие на тумбочке. У радиатора отопления валялись осколки граненого стакана. У противоположной стены, под зеркалом, беспорядочной кучей лежала арестантская одежда.

– Вот тут еще один осколок, товарищ старший лейтенант, – услужливо подсказал сержант.

– Вижу, – ответила она, глядя на осколок с окровавленным острым краем.

Достав телефон, она позвонила криминалисту:

– Слава, поднимись на третий этаж в палату 12. Сфотографируй тут все и опись составь.

Повернулась к сержанту.

– Представьтесь.

– Сержант Бурочкин.

– Рассказывайте, Бурочкин. Как так получилось, что ваш напарник остался один? Как получилось, что подследственный смог беспрепятственно уйти?

На худом лице сержанта возникло страдальческое выражение:

– Да я это... Ну, короче... Да мы вообще не должны были в ночную оставаться, а тут дежурный, ну майор Шурочкин, нас с Дурочкиным в охрану поставил. А есть-то охота. А тут автозаправка недалеко, там магазин круглосуточный – ну я туда и сбегал. Купил пару пирожков для себя и еще парочку для Дурочкина. Вот.

Сержант поднял перед собой пакет.

– Хотите? У Дурочкина аппетит пропал.

– Нет.

– А можно я съем тогда? А то неизвестно, что нас в дальнейшем ждет, не пропадать же. Да и деньги потратил.

– Ешьте.

– Спасибо.

Пальцы торопливо достали засохший пирожок.

– Я, в общем, вернулся, а Дурочкина нет у двери, – про-
чавкал сержант. – В палату заглянул, а там они на кровати,
в наручниках. Медсестра уже в обмороке.

– И что вы сделали потом?

– Ну как что? Отстегнул их, а потом побежал догонять
Иванкова. До ворот добежал, смотрю туда-сюда, а никого и
нет. И спросить не у кого – ночь. Ну тогда я решил ему по-
звонить.

– Кому? – не поняла Лена.

– Ну этому, сбежавшему Иванкову! Он же форму Дуроч-
кина надел, а там телефон был.

– И с какой целью позвонили?

– Как с какой?! Образумить, до совести достучаться!

Сержант горестно вздохнул и запихнул остатки пирожка
в рот.

– Вижу, достучаться не получилось.

Он помотал головой, с усилием проглотил и ответил:

– Ну да. Телефон прямо возле меня зазвонил – Иванков
его просто в траву выкинул. И дубинку, и пустой кошелек.

– А где телефон?

– Я Дурочкину вернул.

В палату зашел криминалист.

– Слава, сфотографируй тут все. Слушай, а во сколько
звонок в дежурную часть поступил?

– В 23:44, – ответил Славик, снимая фотоаппарат с шеи.

Лена посмотрела на сержанта, уже приступившего к уничтожению второго пирожка.

– А во сколько вы обнаружили, что Иванков сбежал?

Сержант опустил голову.

– Где-то час назад.

– Получается, что позвонили вы не сразу?

Сержант опустил голову.

– Сержант, почему вы не сразу сообщили в полицию?! – повысила тон Лена.

– До майора Шурочкина пытался дозвониться, а он трубку не брал. Да и Дурочкин отговаривал, говорил, что не надо шум поднимать – потом проблем не оберешься.

Лена покачала головой: о каких-то результативных поисках по «горячим следам» говорить уже не приходится – потеряно драгоценное время.

– Лена! – позвал Славик.

Она подошла к нему.

– Гляди! Наручники открыты обычной скрепкой. Вот она. При должной сноровке – ничего сложного. Вопрос: откуда у него скрепка?

– Он ими поужинал.

– Да?! – удивленно хмыкнул криминалист. – Забавный народ эти урки. Может, ему железа в организме не хватает?

Лена взяла сержанта за локоть и подтолкнула к двери.

– Давайте-ка прогуляемся до того места, где вы нашли телефон.

Оба вышли и спустились на первый этаж, куда уже стягивался немногочисленный ночной персонал.

– Я сейчас подойду, – сказала Лена дежурному врачу и вместе с сержантом вышла из больницы. Другой сержант, их водитель, выглянул из машины:

– Товарищ старший лейтенант, едем куда?!

– Нет, Юра. Сиди пока, – Лена пошла по аллее в сторону ворот.

Через минуту она внимательно осматривала место, где охранник обнаружил вещи напарника. Подняла из травы связку ключей с брелоком в виде сидящего на унитазе скелета.

– Дурочкина?

– Ага, его! – подтвердил сержант. – Брелок его!

Лена отдала ему ключи и внимательно осмотрела местность. Справа горел зеленый крест круглосуточного аптечного пункта, слева – светилась вывеска автозаправки. Если учитывать приличное расстояние и густые, мешающие обзору, деревья, то на какую-то внятную картинку с камер наблюдения рассчитывать не стоит.

Лена отпустила охранника и пошла к аптеке. Выяснив, что камеры наблюдения есть только внутри помещения, она направилась к автозаправке. И там ее ждала неудача: камеры были, но все они смотрели только на въезд-выезд с периметра и на заправочную линию вблизи топливораздаточных колонок.

Опрос медперсонала тоже ничего не дал. Правда, одна медсестра видела беглеца, но ничего особенного сказать не смогла: да, был такой в форме, вежливый, заблудился, показала дорогу.

Доступ к записям с видеокамер можно получить только утром. Но Лена не делала ставку на камеры – ничего нового она там не увидит.

Одно очевидно: накрылся ее отпуск медным тазом.

Лена пыталась понять, от чего сейчас больше топорщатся усики капитана Рудина: от вентилятора, посылающего волны прохладного воздуха, или от возмущения, ясно читающегося в его глазах.

– Ищешь, ловишь, ночами не спишь – а тут из-за тупорылых дятлов все идет коту под хвост! Я его полгода ловил! Я задолбал участковых, оперов, транспортников, таможенников и наружку! Я прошерстил все притоны, взбодрил всех бандюков, допросил всех подозреваемых! Я две пары ботинок стоптал, бензина сжег немерено, я с женщиной своей почти не виделся, а все ради чего?! Ради того, чтобы два каких-то чучундрика взяли его и отпустили?!

– Все сказал? Слезай с трибуны, – устало молвил Сипягин.

Рудин сел и отвернулся к стене. Сидевший рядом майор Шиловский ободряюще похлопал его по плечу.

– Так, дело на контроле в СКР, сами понимаете. В состав оперативно-розыскной группы войдут майор Шилов-

ский, капитан Рудин, старший лейтенант Бочаров, старший лейтенант Кирсанова, – сказал Сипягин и припечатал приказ хлопком ладони по столу.

– Так Кирсанова же в отпуск собиралась, товарищ подполковник, – недоумевающе произнес Бочаров.

– Вы ей обещали сразу после Демчева дать возможность догулять, – подтвердил Рудин, глядя на Лену с красными от бессонной ночи глазами.

– Обещал! – недовольно ответил Сипягин. – Не получилось после Демчева – текучки много навалилось! И сейчас не получится! Сбежал особо опасный преступник, если вы еще не поняли! В том, кто в этом виноват, разбираться будем параллельно с его поисками, а где я столько людей возьму?! Жора Антресоль... тьфу... подследственный Иванков – не мальчик со скрипкой! Натворить может таких дел, что замучаемся разгребать! Вы не вчера в розыск пришли – должны понимать! А если кого-то что-то не устраивает, то рапорт мне на стол – и к чертовой матери отсюда!

В кабинете повисла тишина, лишь гудел вентилятор да слышался шум машин с дороги. Лена ловила на себе сочувствующие взгляды оперативников.

– Зря вы так, Михал Михалыч, – наконец, сказал майор Шиловский. – Кирсанова не сказала «нет».

– Я не сказала «да», милорд. Вы не сказали «нет», – с досадой отмахнулся Сипягин. – Да я не про Кирсанову конкретно, Павел Захарович. Я про общие настроения. Для профи-

лактики, так сказать.

Он посмотрел на молчаливую Лену. Взгляд его смягчился, а тон приобрел виноватые нотки.

– Кирсанова, премию получишь. Двойную. Я с начальником отдела согласую. Богатой в отпуск пойдешь, с приданым. Завидной невестой будешь.

Лена встала, накрыла макушку левой ладонью, а правую приложила к виску.

– Есть, товарищ подполковник! Ради приданого готова работать до самой пенсии! Старая и богатая невеста – что может быть лучше?! – торжественно отчеканила она.

– Не паясничай, пожалуйста, – грустно вздохнул начальник. – И сядь.

Лена села под смешки коллег. Сипягин, наоборот, встал у окна, сложив руки за спиной.

– В 79-ом промышляла в городе банда налетчиков: инкассаторов грабили и убивали. Тогда инкассаторами были обычные тетки, часто пожилые, и перевозили они деньги в обычных машинах. И охрана – только водители, да и те тоже не Рэмбо, надо сказать.

Все молчали, не понимая, к чему это он. Сипягин повернулся лицом к подчиненным и продолжил:

– Всего было три эпизода, и все – как под копирку: убиты и кассиры, и водители, деньги похищены, свидетели невнятное бормочут. Это сейчас везде камеры наблюдения есть, а тогда что? Бабки у подъезда да гражданская сознательность.

В общем, начальство кипит, кассиры боятся деньги возить, общественность волнуется. И решило тогда наше руководство приставить к каждому инкассатору сотрудников уголовного розыска: у сберкасс, откуда деньги забирали, и у предприятий, куда их привозили для выплаты зарплат. Меня и еще одного капитана прикрепили к кассиру с текстильной фабрики, а дежурить мы должны были у сберкассы на улице Заводской. Тихая такая улочка, малолюдная.

Все молча закивали, соглашаясь: Заводская и сейчас особой жизнью не отличалась.

– Так вот, разделились мы: я в одной подворотне стою, а он в другой, в конце улицы. Подъехала машина, водитель и кассир в сберкассу зашли, а мы наблюдаем. Через двадцать минут выходят: он – мешок с деньгами несет, она – сама еле ноги переставляет. И тут на большой скорости подъезжает желтый «Москвич», оттуда выскакивают двое, третий в машине за рулем сидел. Лица платками обвязаны, и с оружием. Ну, я дорогу перебегаю, пистолет на ходу достаю и ору: «Руки вверх! Милиция!». Водитель сразу по газам, а те двое – стрелять в меня. Я за дерево спрятался, колени трясутся, руки тоже. В меня же еще никто никогда не стрелял – я ж только-только из Школы милиции. Врать не буду – страшно было: я один, а их двое...

– Один? – не понял Рудин. – А капитан?

Сипягин тяжело вздохнул и сел за стол.

– Дальше слушай. В общем, волю в кулак собрал, стра-

хи подальше запихнул и давай тоже стрелять, на поражение. Отстреливаюсь я и ору, ору и отстреливаюсь. Повезло мне, что оружие у них было кустарное, самодельное – точности никакой. В общем, убил я одного, а второй стал убегать, да не куда-нибудь, а именно в ту подворотню, где капитан должен был стоять. Я за ним. Он за угол завернул, слышу – выстрел. Я скорость прибавил, вижу – мужчина лежит с простреленной головой, и такси на большой скорости уезжает. Я было стрелять по колесам, да только патроны кончились. И хорошо, что кончились, потому что я капитана со злости бы точно застрелил. Он откуда-то совсем с другой стороны прибежал: глаза по пять копеек, рука с пистолетом трясется. Мне тогда некогда было выяснять, где он прохлаждался: у мужика пульс проверил – ноль, и обратно к сберкассе побежал, а там уже и милиция подъехала. А через час на посту ГАИ «Москвич» задержали – он, оказывается, в угоне был. И налетчика того, который такси угнал, тоже поймали.

– Это понятно! А капитан-то этот где был?! – не унимался Рудин.

– Телефон-автомат пошел искать, чтобы в роддом позвонить. Жена у него там рожала.

Оперативники синхронно шлепнули себя по лбу.

– Итак, к чему я это... А к тому, что будь капитан там, где должен быть – таксист остался бы жив. И ты, Кирсанова, сейчас тоже должна быть там, где должна. И кто знает, может, именно ты окажешься в нужном месте и в нужное вре-

мя, пока остальные работают в других направлениях. И да, Кирсанова, если ты еще не поняла – это приказ.

– Я поняла, товарищ подполковник, – кивнула Лена.

– Михал Михалыч, дайте ей хоть отдохнуть после дежурства, – сказал Шиловский.

– Павел Захарович, вы уж совсем из меня монстра не делайте, – развел руками Сипягин.

Он снова встал.

– Майор Шиловский! Ориентировать все подразделения от линейной полиции до участковых уполномоченных, разослать фотографии с приметами, допросить сотрудников следственного изолятора!

– Есть, товарищ подполковник!

– Капитан Рудин, допросить подельников и проверить контакты разыскиваемого!

– Есть, товарищ подполковник!

– Старший лейтенант Бочаров, проверить камеры наблюдения больницы, опросить информаторов, найти свидетелей!

– Есть, товарищ подполковник!

– Старший лейтенант Кирсанова, выспаться и подключаться к делу!

– Есть, товарищ подполковник!

Глава вторая

Жора никогда не считал себя фартовым – будь он фартовым, не оттрубил бы столько лет за колючкой. «Не пойман – не вор» – это не про него.

А вот сегодня – прямо в жилу: и канашку вовремя в СИЗО рвануло, и лепила оказался с бодуна, и вертухай попался ссыкливый, и ночка темная выдалась. Свезло так свезло! Неужели и ему бандитская удача ощерилась своей рыжей фиксой? Хорошо бы.

Дойдя до темного магазина спорттоваров, он остановился и осторожно выглянул из-за угла. Убедившись, что ему ничего не угрожает, натянул кепку на глаза и спокойным шагом преодолел освещенный участок дороги, по другую сторону которой, утопая в липовом цвету, стоял пятиэтажный дом.

Кнопки домофона были еле видны. Жора взгляделся в покрытую медным напылением панель, нажал решетку, ввел сервисный код и набрал четыре ноля – магнитный замок щелкнул. Жора шагнул в подъезд, встретивший его кошащим запахом и тусклым светом лампочки.

Он поднялся на пятый этаж и взобрался по приваренной лестнице на чердак. Смахнув липкую паутину с козырька кепки, чиркнул зажигалкой, обнаруженной в кармане формы – пламя осветило деревянные перекрытия и пыльный пол. Жора двинулся вперед, считая перекладыны. У пятой оста-

новился, встал на карачки и запустил обе руки под балку. Пальцы разворошили мусор и вытащили металлическую коробку, обернутую в брезентовую ткань.

Коробка была небольшой, но все, что нужно, в нее вместились без труда. Он развернул ткань, с усилием снял тугую крышку и осветил содержимое коробки: внутренний паспорт, две тугие пачки банкнот, набор отмычек, смартфон с зарядным устройством, упаковка с сим-картой, выкидной нож и пистолет Макарова. Ничего необычного – типичный тревожный чемоданчик законопослушного гражданина на все случаи жизни. Самой ценной вещью был не телефон, и даже не пистолет, а паспорт – настоящий, с его фотографией, на имя Раскольников Родiona Романовича, 1978 года рождения. Да, у коррумпированных ментов, посодействовавших в получении важного документа, было неплохое чувство юмора.

Тайничок этот Жора соорудил ровно за три дня до того, как в квартиру, которую он снимал в этом же доме, ворвались спецназовцы и, больно пнув по ребрам, уложили мордой в пол. Жора, лежа на липком и грязном полу, горячо поблагодарил судьбу за то, что успел спрятать пистолет – самую главную улику. А так, пусть докажут еще! Хотя, что там говорил тот здоровенный опер с нелепыми усиками? Есть неопровержимые доказательства его вины в двойном убийстве? Ну-ну, это мы еще посмотрим.

Жора рассовал по карманам содержимое коробки и спу-

стился с чердака. Спрыгнул с последней перекладины и посмотрел на старушку, выглядывающую из полуоткрытой двери квартиры.

– Это кто там ходит по ночам? – недовольно спросила она. – Бум-бум над головой! Совесть есть?!

– Спокойно, мать. Полиция, – невозмутимо ответил Жора и одернул рукава, скрывая покрытые тюремными татуировками предплечья.

– Что-то лицо мне твое знакомо? – недоверчиво прищурилась бабулька. – Документы покажи, полиция! А то ходят тут всякие!

Бдительная бабулька просунула в проем худую руку и угрожающе потрясла кухонным топориком.

Жора сделал очень свирепое лицо.

– Гражданочка, это что за угрозы?! Вы в камеру захотели?! Или, может, штраф?! Мне сотрудников вызвать, чтобы они протокол на вас составили, а?! Я здесь по долгу службы – сигнал поступил, что на чердаке могут скрываться особо опасные преступники! И вот я, голодный и усталый, должен сейчас проверять все чердаки в районе! И какую благодарность вижу?!

Рука опустила топорик, выражение морщинистого лица сменилось на более благосклонное. По крайней мере, исчезло недоверие.

– А что, прямо особо опасные? А что им здесь делать-то? У нас район тихий, спокойный.

– Тихий и спокойный потому, что мы не спим! Полковник наш приказал все чердаки проверить – мы и выполняем! А преступники эти пенсионеров убивали, понятно?! – сказал Жора.

Старушка охнула, выронила топорик и прикрыла рот руками.

Жора кивнул и добавил ласково.

– Ты уж, мать, поосторожнее будь.

– Да сколько мне осталось-то? – вздохнула она. – Доживаю.

– Живи, мать, живи! Долго живи, назло Пенсионному фонду! – с чувством сказал Жора и подошел к перилам. – Я утром участковому вашему скажу, чтобы замочек на чердак повесил. Непорядок это, непорядок.

– Скажи, милый! Скажи!

Бабулька закрыла дверь.

Жора быстро спустился на второй этаж и подошел к двери, обитой дырявым дерматином. Здесь его и замели менты в прошлом году. Нашел он это жилье быстро: заглянул в пивную и предложил одному забулдыге хорошие деньги за угол. Не давая хорошенько поразмыслить над предложением, купил водку и пиво и под «ершик» пожаловался на стерву-жену, которая вышла замуж во время его отсидки. Собеседник попался понимающий, проникся его бедой, воодушевился невзначай засвеченной «котлетой» из пятитысячных купюр и вдохновился обещанием заплатить за полгода вперед. При-

вел его в немытую квартиру, больше напоминающую хлев, взял деньги, вручил ключ и отбыл на дачу к собутыльнику. Навещал иногда, деньги занимал и снова пропадал на недели. Жору это вполне устраивало – ему нужно было время, чтобы сделать паспорт и подождать, пока у ментов поубавится энтузиазма в его поисках.

И вот однажды хозяин снова нарисовался. Жора, глянув в глазок, открыл дверь – и его тут же отшвырнуло на пол немилосердным ударом под дых. А дальше – привычная рутина: наручники, допросы, предъявление обвинения, постановление суда о мере пресечения и СИЗО.

И вот теперь у Жоры было горячее желание лично спросить у хозяина квартиры, как же так получилось, что он его сдал ментам. Убивать не собирался – смысла нет, а вот носопырку набок свернуть – всенепременно.

Он дернул козырек кепки вниз, на самые глаза, и надавил на оплавленную кнопку звонка. Тут же прислонил ухо к двери, прислушиваясь к звукам внутри. Было тихо. Жора позвонил еще раз, но открывать не спешили. Тогда он вынул чехол с отмычками, нашел парочку нужных и за пятнадцать секунд вскрыл хлипкий замок. Тихо открыл дверь в темную прихожую и тут же поморщился от запаха разлагающейся плоти.

Жора зашел и включил свет в прихожей. На кухонном полу лежал хозяин квартиры, не совсем живой, с трупными пятнами на лице и с засохшими потеками рвотной массы на подбородке и груди. На столе стояли бутылка и стакан.

– Собаке собачья смерть, – с досадой сплюнул Жора и вышел из квартиры.

В этот пятничный вечер в стриптиз-баре «Игривая обезьяна» был самый настоящий аншлаги. Мужчины выли от похоти, пьянели от виски и сатанели от Анны, которая, под чувственную песню «Stop!» в исполнении певицы Сэм Браун, выделявала на шесте невыдуманные по своей грации и откровенности трюки. Прозрачная тканевая полоска чудом держалась на красивой формы бедрах, такая же полоска еле прикрывала грудь. Руки, тонкие и изящные, обхватывали шест, а ноги, длинные и стройные, раздвигались и снова смыкались.

– Анечка! Анечка! Звезда моя! – плакал очкарик за первым столиком. Слюни, слезы и сопли падали в стакан с коктейлем «Кровавая Мэри», взметая красные фонтанчики.

Байкер за соседним столиком, нечесаный и вонючий, сорвал бандану и засунул ее в рот, изнывая от еле сдерживаемой похоти. Его правая ручища, покрытая шерстью и татуировками, с такой силой сжала высокий бокал, что тот, не выдержав давления, лопнул, обдав байкера стеклянно-пивными брызгами.

Интеллигент в хорошем костюме и при галстуке выпил очередную стопку холодной водки и, безвозвратно потеряв разум, полез на сцену. Выскочивший охранник, детина размером семь на восемь, пинком отправил его на пол. Интеллигент, несколько не обиженный, схватил стакан со стола

очкарика и выпил содержимое залпом, занюхал потной шеллурой байкера и вновь ринулся на сцену. Охранник, уже успевший покинуть сцену, выбежал вновь – схватил буйного посетителя за шиворот и брючный ремень, пинком открыл дверь и вышвырнул на улицу.

Аня изящно приземлилась, дернула тонкую завязочку на спине, обнажив красивую грудь. Бар содрогнулся от восторженного воя, в Аню полетели деньги: тысячные и пятитысячные бумажки. Очкарик запустил руку в карман и, выронив студенческий билет, кинул целых пятьдесят рублей. Аня послала всем воздушный поцелуй, тряхнула роскошными выющимися волосами и, покачивая бедрами, удалилась со сцены. Охранник принялся собирать деньги под неистовые вопли толпы.

– Анечка! Анечка! Анечка!

Аня пропустила девушку в латексом костюме женщины-кошки и спустилась в прокуренную гримерку. Села перед зеркалом, наблюдая в отражении снующих вокруг полуголых девиц – таких же, как она, стриптизерш.

– Ой, девочки, вы лифчик мой не видели?!

– Как же меня эти козлы похотливые замучили!

– А мне нравится – столько мужского внимания!

– Да все они козлы!

– Так вы видели мой лифчик?!

Аня, быстрыми движениями снимая яркий макияж, увидела в зеркале вошедшего в гримерку менеджера в полоса-

том костюме и блестящих штиблетах – как ни старался Гарик косить под элегантного чикагского гангстера 30-х годов, харя деревенского свинопаса выдавала его истинное происхождение.

– Твоя доля! – он протянул ей деньги и пыхнул сигарой.

Ее тонкие пальцы развернули пачку веером.

– Почему так мало, Гарик?

Лицо менеджера недовольно скривилось, сигара перекочевала из одного края рта в другой.

– Инфляция, детка!

– Какая к херам инфляция?! Ты меня постоянно кидаешь, Гарик!

Гарик пригладил жирные, зачесанные назад, волосы и устремил взгляд в потолок.

– Выйдешь еще раз – доплачу.

– Сам выходи! – она отвернулась.

Гарик оскалился, затушил размочаленную сигару в пепельнице.

– Работаем, девочки, работаем! – прикрикнул он на стриптизерш и вышел.

Аня сняла прозрачные стринги, запихнула их в сумочку и подошла к вешалке, где висела ее одежда.

– Гарик совсем уже распоясался! Он и мне не доплатил в прошлый раз! – пожаловалась девица с большой грудью и широкими бедрами.

Аня молча надела хлопковые трусы и застегнула бюст-

гальтер.

– Да он достал уже, Аль Капоне недоделанный! – выкрикнула высокая блондинка в кожаной фуражке и с жетоном американского полицейского на латексном лифчике.

Аня влезла в платье.

– Ага, возомнил себя непонятно кем! – поддакнула маленькая девица в юбочке из пальмовых листьев.

Аня обулась, небрежно сунула заработанные деньги в сумочку и пошла к выходу. У двери обернулась с презрительным выражением на красивом лице.

– Вот и терпите, дуры! А я сюда больше ни ногой!

Выйдя из стриптиз-бара, она вытянула руку навстречу ехавшей машине.

– Куда вам, девушка? – с акцентом спросил усатый водитель.

– На Вяземскую.

Сидя на заднем сиденье раздолбанной «Приоры», она равнодушно смотрела на ночной город, не слыша голоса водителя, болтавшего без умолку. Тот одной рукой крутил руль, а второй размахивал, что-то увлеченно рассказывая. Через двадцать минут она вышла из машины и направилась к подъездной двери, на ходу перебирая содержимое сумочки в поисках ключей.

– Да что такое?! – с досадой пробормотала она. – Куда я их дела?!

Наконец, связка, лежавшая на дне сумки, оказалась в ру-

ке. Аня приложила «таблетку» ключа к домофону и зашла в подъезд. Поднявшись на свой этаж, открыла квартиру и тут же застыла на пороге: дверь в ванную была приоткрыта, горел свет и слышался звук льющейся воды. На полу валялась пятнистая синяя форма, у придверного коврика стояли высокие ботинки.

Аня отступила на шаг, чуть не упав, зацепившись каблучком за порог, и тихо прикрыла дверь. На цыпочках спустилась на один пролет и остановилась, прислушиваясь к звукам из квартиры.

Если это вор, то зачем ему мыться? Вор-чистоплюй? Ну ведь бред же! И почему форма? Никого из знакомых, кому положено носить форму по долгу службы, у нее не было. Да и как вообще объяснить, что кто-то зашел к ней домой, не сломав замки?

Догадка пришла сразу: у нее был только один знакомый, точнее, не знакомый, а целый любовник, который мог мастерски вскрывать замки.

Аня в сомнении переступила с ноги на ногу, затем медленно поднялась и подошла к двери. Та внезапно открылась, вытянутая рука обхватила ее за шею и втащила внутрь.

Аня больно ударилась затылком в стену.

– Тихо! Узнала?!

– Жора, ты что здесь делаешь? – прошептала она, глядя в некрасивое лицо бывшего любовника.

Он стоял перед ней с обернутым вокруг талии полотен-

цем, с наколками на груди и животе. С мокрых волос стекали капельки воды.

– Отпустили за примерное поведение. Не рада?

Аня не ответила, опустив голову. Указательный палец резко приподнял ее подбородок.

– Не рада, спрашиваю? Завела кого? Честно отвечай!

– Да нет у меня никого!

Она убрала его руку и, скинув туфли, прошла в кухню.

– Зачем пришел? – тихо спросила она, наливая воды из графина. – Тебе нельзя тут быть.

– Да вот, хотел на тебя посмотреть. Долго не виделись. Даже не навестила, – он сорвал полотенце и принялся вытираться.

– Не хотела, – она медленно выпила воду. – Тебя будут искать и в первую очередь придут сюда.

– Знаю.

Он бросил полотенце на пол и зашел в кухню.

– Оденься, пожалуйста!

– Зачем? Все равно раздеваться придется.

Его рука приподняла подол платья.

– Перестань, пожалуйста!

– А что так неласково?

– Прошу, уходи!

Она быстро вышла в прихожую и тут же вернулась с его формой. Кинула ему.

– Я это больше не надену! – зло сказал он. – Где мои ве-

щи?!

Она снова вышла. Жора услышал, как в комнате хлопнула дверца шкафа, а через секунду у его ног приземлилась спортивная сумка.

– Все здесь.

Жора резко потянул за собачку молнии и, порывшись, принялся выкладывать вещи. На кухонный стол легли нижнее белье, носки, джинсы, рубашка и пакет с кроссовками.

Аня стояла в дверях и молча наблюдала, как он одевается.

Наконец, Жора надел кроссовки, тем самым завершив гардероб, и переложил содержимое карманов формы в сумку.

– Пожрать хоть дай, – сказал он, сунув пистолет за брючный ремень, под рубашку.

– В холодильнике.

Он потянул за ручку холодильника.

– Как обычно! У тебя нормального балабаса нет? – недовольно сказал он, разглядывая фрукты, зелень и бутылочки с диетическими коктейлями.

Он бросил на стол кусок сыра, вытащил из ящика нож.

– Хлеб есть?

– Нет у меня хлеба.

– Фигуру бережешь? Понятно.

Он прямо на столе порубил сыр крупными кусками и сел на табуретку.

– Ты уйдешь?

– Похаваю и уйду. Твоя правда – мне тут находиться нельзя.

Увидев облегчение в ее глазах, он усмехнулся и закинул в рот кусок сыра.

– Могу тебе денег дать, – она потянулась к сумочке, висевшей на плече, но он помотал головой.

– Не надо, себе оставь.

Он поковырял зубочисткой во рту, воткнул ее в кусок сыра и подхватил сумку. Выйдя в прихожую, пинком опрокинул стоявшие у двери берцы.

– Выкинь это! Менты нагрянут – не ври, себе только хуже сделаешь! Скажи, приходил, забрал вещи и ушел! Куда – не сказал!

– Хорошо, – ответила Аня и вздрогнула от резко захлопнувшейся двери.

– Лешик, кто там?! – донесся из спальни сонный голос.

– Это ко мне!

– Я поняла, что к тебе! Зачем по ночам шараться?!

– Не твое дело! Спи!

Леша вышел на площадку и тихо прикрыл дверь. Жора стоял у стены и крутил в руке зажигалку.

– Ты сбежал, Антресоль?

– Есть немного.

Леша в задумчивости похрустел фалангами тонких пальцев. Было видно – не рад встрече.

– Нельзя тебе сюда. Уходить тебе надо, Антресоль.

– Должок за тобой, Дирижер, – напомнил Жора.

– Помню, – нехотя ответил Леша. – Но я в завязке. Жениться собираюсь.

Он натужно засмеялся, но Жора даже не улыбнулся.

– Поздравляю. Но при чем тут твоя женитьба? Должен – отдай!

Леша Веретенников по кличке Дирижер к миру музыки имел ровно такое же отношение, как балерина к самогоноварению. Звучную кликуху он получил благодаря своей профессии – он был карманником. И не абы каким, а высшей категории. Леша не резал сумки в трамваях, не промышлял на рынках, не «чистил» карманы подвыпивших на остановках и не лишал несчастных пенсионеров последних накоплений. Нет, это было для него слишком скучно и неблагородно. Его полем деятельности были места обитания очень зажиточных граждан: театры, презентации, светские рауты, дорогие рестораны и богемные тусовки, куда он имел беспрепятственный доступ благодаря прикормленным администраторам и организаторам. И работал Леша Дирижер только с женщинами.

Наметанным глазом он безошибочно определял не только стоимость побрякушек потенциальной жертвы, но и ее морально-психологическое состояние: скучает, раздражена, грустит и так далее. Изучив ее и убедившись в том, что она одна, он подходил к ней, весь такой обаятельный и пахнущий

дорогим одеколоном, и начинал непринужденный разговор. При этом делал загадочные взмахи левой рукой, чем вгонял женщину в легкий транс. Одной рукой дирижировал, а другой вытаскивал из сумочки кошелечек со стразами или снимал часики с бриллиантами. Мог и на ушко шепнуть комплимент – в этом случае в никуда уплывали серьги или коллье. Работал он настолько виртуозно, что жертва не сразу обнаруживала пропажу, а сам воришка в это время был уже далеко. И попробуй найди: парики, накладные усы и бороды, цветные контактные линзы – все это Леша использовал в обязательном порядке.

Награбленное он сбывал только одному человеку – залоговщику Копытману Израилю Марковичу. Как-то принес Леша ему колечко с бриллиантом. Любопытная была вещь, дорогая и старинная – Израиля Марковича она весьма заинтересовала. И предложил он полтора миллиона рублей – сразу, без лишних расшаркиваний и торга, что было на него совсем непохоже. Леша, глядя в его хитро-мудрые глаза, колечко решил придержать до лучших времен, а заодно посоветовал ему пересмотреть свое отношение к постоянным клиентам. Но Копытман колечком проникся до такой степени, что решил завладеть им во что бы то ни стало – уж больно редкий там был камушек. И обратился он к Жоре Антресолю, на тот момент только-только откинувшемуся из зоны и остро нуждавшемуся в деньгах. Израиль четко дал понять, что было бы совсем неплохо, если бы Жора не только

изъял колечко, но и сделал бы так, чтобы Дирижер долго не мог зарабатывать деньги привычным ему способом. Например, переломал ему пальцы. Или вовсе отстриг, чтобы тот больше никогда не дирижировал.

Жора, изяществом манер не отличавшийся, просто подкараулил Лешу возле квартиры и разбил ему нос. После вытащил из кармана садовый секатор, приставил к указательному пальцу и поставил перед выбором: остаться без клешни или отдать кольцо. Леша выбрал второе. Жора сказал, что отныне Дирижер ему должен и направился в ломбард к Израилю, где и отдал колечко за обещанные полтора миллиона. Жору мало волновала истинная стоимость изделия – деньги сильно нужны были. В итоге выиграла все: залоговщик получил кольцо, Жора – деньги, а Леша остался с пальцами, а стало быть – при профессии.

И до сегодняшнего дня Жора Лешу не беспокоил. Будто забыл.

Оказалось, нет.

– Что ты хочешь от меня?

– Отсидеться мне надо да подумать, как дальше быть.

– У меня нельзя.

– Знаю. Думай, Дирижер.

Леша с досадой стукнул кулаком в дверь и задумался. Жора не торопил, лишь ухмылялся, глядя в его озадаченное лицо.

– Утром наверняка объявят «Перехват», посты на дорогах

выставят, ориентировки разошлют на вокзалы и в аэропорт. О тебе будет знать каждый участковый, а твой портрет повесят на каждом столбу.

– Теряем время! – перебил Жора. – Об этом и сам знаю. Вывезти меня куда-нибудь сейчас.

– Куда?

– Туда, где я могу отсидеться! – повысил голос Жора. – Ты тупой?!

Леша еще раз стукнул кулаком по двери. Минуту он размышлял, затем открыл дверь в квартиру.

– Ладно, я сейчас.

Он зашел, а Жора спустился к окну на лестничном марше и внимательно осмотрел хорошо освещенный двор: ничего подозрительного. И тихо. Лишь где-то протяжно переругивались коты.

Жора вернулся и прислушался к диалогу в квартире.

– Куда ты собрался?!

– Надо мне!

– Лешик, если ты опять взялся за старое, я от тебя уйду!

– Да все нормально! Утром буду! Спи!

Дверь открылась. Леша держал в одной руке большой аккумуляторный фонарь, в другой – ключ от машины.

– Пошли! – он пошел вниз по лестнице.

Жора подхватил сумку и последовал за ним.

– Куда?

– Домик у меня в «Лымарино». Правда, там со светом

проблемы, зато глухомань. По дороге продуктов купим – голодным не останешься. Пересидишь, а там будем думать.

СНТ «Лымарино» находилось в черте города, на самом его отшибе. Из-за участившихся в последние годы паводков некогда цветущее садовое товарищество превратилось в заброшенные гектары неплодородной земли – весной все тонуло в разливающимся речных водах, а летом превращалось в сухой каменистый грунт. Дома разрушались, границы участков размывались, а огородники и дачники уже давно забыли туда дорогу. Единственные, кто чувствовал там вольготно – бродячие собаки и бомжи.

За окном светлело. Уже окрасились багровым верхние этажи домов, шипящими брызгами прошлась поливальная машина, потянулись первые людские ручейки к остановкам.

Аня прижала ладони к глазам, словно таким образом хотела снять с них пелену бессонной ночи, взбодриться и ожить.

Холодный душ освежил, но настроение не прибавил. Завтрак показался безвкусным, а кофе – горьким. Очередное паршивое утро.

Аня сняла с бельевой веревки блузку, расправила ее на гладильной доске и включила утюг. Подошва скользила по шелковой ткани, носик тыкался в кружева и оборки, а мысли уносили в прошлое – настолько мрачное, что выть охота.

Каждый день она заставляла себя жить. Просыпалась рано утром, гладила чертову блузку, шла на работу, вечером

подрабатывала в стриптиз-баре, чтобы ночью вернуться домой и после пары часов беспокойного сна проснуться и снова искать смыслы в своей бессмысленной жизни.

И так по кругу. Она бегаёт по жизненному кругу словно пони по цирковой арене. А ради чего?

Нет ответа.

Аня дернула за шнур утюга и принялась переодеваться. Через десять минут она вышла из дома и потерялась в толпе, спешащей к автобусной остановке.

Она все-таки опоздала, ненамного, но достаточно, чтобы это заметила старшая продавщица Женя Сундеева.

– Дорохова, это уже в который раз за неделю? – Сундеева стояла в двери раздевалки и отчаянно корчила из себя начальницу.

– Не считала, – Аня надела жилетку и принялась повязывать шейный платок.

– А ты посчитай – будешь удивлена. Я вот думаю, надо все-таки рассказать директору о твоих опозданиях.

– Рассказывай, – равнодушно ответила Аня, пристегнула бейджик и поправила юбку.

Рукой подвинула стоявшую в проходе Женю и вышла в торговый зал.

– Плохо выглядишь, Дорохова! – крикнула в спину Женя. – Спать надо, а не сиськами перед мужиками трясти! Знаем, чем ты по ночам занимаешься!

Аня, стараясь запечатать ей рот, с силой захлопнула

дверь, но она тут же открылась, и взбешенная Сундеева, задев ее плечом, вылетела из раздевалки.

– В ручках пересортица – разберись! – злобно бросила она, даже не обернувшись.

Аня подошла к полкам с ручками. Да, действительно, пересортица: красных ручек намного больше, чем синих. Надо идти на склад и дополнить ассортимент синих.

– Закончишь – займись выкладкой календарей! – донесся из-за стеллажей противный голос Сундеевой.

Аня вышла в подсобку, миновала сонных грузчиков и свернула на склад. Пожилая кладовщица, сидевшая на поддоне с офисной бумагой и что-то черкающая в блокноте, подняла на нее взгляд и приветливо улыбнулась.

– Анечка, с добрым утром!

– Доброе утро, Клара Степановна, – Аня тоже улыбнулась, впервые за сегодняшнее утро. – Мне бы синих ручек «Пилот» двести штук. А заявочку я потом оформлю, хорошо?

– Договорились, Анечка! – бодро отозвалась кладовщица. – А ты чего такая кислая?

– Жизнь такая – кислая, – вздохнула Аня и направилась в глубь склада. Прошла мимо стеллажей с папками и конвертами, миновала полки с серыми пачками счет-фактур и бланков строгой отчетности и подошла к стеллажу с письменными принадлежностями.

– Дорохова! Дорохова!

Дребезжащий голос Сундеевой в стенах огромного склада

звучал еще противнее.

– Что?! – выкрикнула Аня, вскрывая коробку с гелевыми ручками.

– Сюда иди! К тебе из полиции пришли! – злорадно отозвалась старшая продавщица.

Аня похолодела. Ей вдруг захотелось спрятаться, залезть под стеллаж и забиться в пыльный угол.

– Дорохова! Долго еще ждать?!

Аня вышла из-за стеллажей и увидела в воротах склада высокого и широкоплечего мужчину, рядом с которым вертелась сгорбленная и худая Сундеева.

Аня медленно приблизилась.

– Допрыгалась, Дорохова! – возликовала Женя и глянула снизу вверх на полицейского. – Вот она!

– Знаю, мы уже встречались, – ответил мужчина.

Да, действительно встречались. Он занимался поисками Жоры, поэтому виделись они неоднократно. Аня даже вспомнила, как его зовут: капитан Рудин из уголовного розыска.

– Доброе утро, Анна Григорьевна, – поприветствовал гость и посмотрел на все еще торчащую рядом Женю. – Оставьте нас.

Сундеева разочарованно засопела кривым прыщавым носом, пороссячы глазки недовольно сузились.

– Я старший продавец и должна знать, что натворила моя сотрудница!

– Слышь, старший продавец! – прикрикнула за ее спиной Клара Степановна. – Давай-ка на выход! Дай людям поговорить!

Кладовщица вышла из склада и строго поманила пальцем Женю. Та, недовольно дернув разной длины и высоты плечами, вышла следом. Полицейский проводил ее насмешливым взглядом и посмотрел на Аню.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Я слушаю.

– Ночью из больницы сбежал Иванов Георгий Васильевич. Он случайно мимо вас не пробежал?

Аня ответила сразу:

– Пробежал. Помылся, забрал вещи и ушел. Куда – не сказал. А я не спрашивала.

– Интересное кино получается. У вас был особо опасный преступник, сбежавший из-под стражи, а вы даже не сообщили?

– А я только сейчас от вас узнаю, что он сбежал. Мне он сказал, что его отпустили.

– Вот как?! То есть, по-вашему, мы могли отпустить обвиняемого в убийстве двух человек?

– Он сказал, что его отпустили! – глядя в сторону, повторила она.

– А вы поверили? Дурака мне тут не валяйте! Он вам угрожал?

– Нет.

– То есть, вы умышленно не сообщили в полицию?

– Нет, я просто поверила ему.

– Понятно! – раздраженно ответил капитан. – Значит, он не говорил, куда ушел?!

– Нет. Забрал сумку с вещами и ушел.

– Кстати, он в чем пришел?

– В форме, в пятнистой такой. Я ее выкинула. Он так велел.

– И во что он переоделся?

– Джинсы, рубашка, кроссовки.

– Больше вам сказать нечего?

– Больше – нет.

– Он не сообщал свой номер телефона, не обещал зайти снова, не договаривался о следующей встрече, не называл никаких имен?

– Нет.

Капитан слегка наклонился и пристально взглянул в ее глаза.

– Гражданка Дорохова, никуда не уезжайте из города, если вдруг он появится или каким-то образом даст о себе знать – звоните лично мне.

Он протянул ей визитку.

– И большая просьба отнестись к этому серьезно, если не хотите проблем с законом. До свидания.

Он вышел, а Аня, зажав в ладони визитку, села на коробку с бумагой и заплакала.

Глава третья

Лена, позевывая, выползла на кухню, чувствуя себя более-менее отдохнувшей. Залила в чайник воды и включила телевизор.

– Мы прерываем нашу передачу экстренным сообщением! Управлением уголовного розыска по городу Вулканогорску разыскивается особо опасный преступник Иванков Георгий Васильевич, 1978 года рождения! Среднего телосложения, рост метр семьдесят семь, лицо худощавое, волосы темные, глаза карие. На момент побега был одет в синюю камуфлированную форму сотрудника ФСИН! Просьба гражданам проявить осторожность и бдительность, обо всех подозрительных лицах, похожих на разыскиваемого, сообщать в Управление уголовного розыска или по телефону 02!

Фотографию разыскиваемого сменило лицо мэра. Тот, пуча в камеру свои бессмысленные глаза, бодро доложил, что он лично контролирует поиски беглеца, и жителям Вулканогорска опасаться нечего.

Даже преступник не вызывал у Лены такого отвращения, как градоначальник, поэтому она поспешно выключила телевизор и открыла холодильник.

«Не могу понять: он наполовину полон или наполовину пуст?», – подумала она, разглядывая полки. Вытащив яйца и пакет молока, приступила к готовке омлета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.